

Владимир Кожедеев

Воронин и часы.

Книга 2

Владимир Кожедеев

Воронин и часы. Книга 2

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Воронин и часы. Книга 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

«Время застывших стрелок» — это психологический детектив, погружающий читателя в холодный, сырой и безжалостный Петербург конца XIX века, где каждый камень хранит тайну, а время — это не просто течение секунд, а оружие, которым умеют пользоваться лишь избранные. Бывший чиновник прокуратуры Илья Андреевич Воронин, сломленный собственной роковой ошибкой, стоившей жизни невинному человеку, пытается начать новую жизнь. Но судьба приводит его к загадочным часам, найденным у кромки Невы. Стрелки застыли на 3:17, а гравировка на серебряной крышке ведёт к дому влиятельного промышленника Карпова — человека, за которым тянется шлейф подлогов и разрушенных судеб. Воронин и его молодой помощник, репортёр Пётр, оказываются в центре опасного расследования, где переплетаются месть, семейные тайны и заговор, уходящий корнями вглубь истории Петербурга. Кто оставил часы у воды? Кто убивает свидетелей? И что скрывают древние камни, на которых стоит город? Расследование приводит героев в подземный мир..

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Кожедеев

Воронин и часы. Книга 2

Глава 1

Февраль в Петербурге — месяц лжи.

Снег, выпавший в январе с той особенной щедростью, которая бывает только в этом городе, когда он хочет казаться чистым и светлым, начинал таять, обнажая грязную, мокрую землю, — но мороз ещё не отступал окончательно, и по ночам лужи покрывались тонкой коркой льда, которая хрустела под ногами, как стекло, как та самая хрупкость, которую город так тщательно скрывает под своей маской величия. Небо было низким, свинцовым, и казалось, что оно вот-вот рухнет на город, раздавив его своей тяжестью, смешав его с грязью и водой, как смешиваются все надежды и разочарования в этом бесконечном, сером пространстве. Воздух пах сыростью, угольной гарью и ещё чем-то кислым, неуловимым — запахом оттепели, который в Петербурге всегда был предвестником болезней, тоски и странных, беспричинных тревог, которые поднимаются из глубин души, как тина со дна Невы.

Воронин шёл по набережной, и его шаги гулко отдавались в сыром воздухе, как удары маятника, как те самые часы, которые он носил в кармане уже три месяца. Он уже не считал дни с той минуты, когда завёл их — они тикали в его кармане, отмеряя время, которое больше не боялось идти, которое текло, как течёт Нева, как течёт жизнь, как течёт правда, которую он наконец нашёл и которая теперь была с ним всегда. Он привык к их звуку, как привыкают к шуму дождя или к скрипу карет на брусчатке, как привыкают к тому, что город дышит, что он жив, что он никогда не спит. Они стали частью его, как трость, как блокнот, как та особая петербургская тоска, которую он носил в себе с детства, которая была его спутником, его тенью, его вторым «я».

Прошло три месяца с тех пор, как закончилась та история. Три месяца, которые изменили всё — и ничего не изменили. Максим сидел в тюрьме, ожидая суда, и Воронин иногда думал о нём, о том, как он провёл одиннадцать лет в тени, выжидая, планируя, ненавидя. О том, как он, Воронин, почти повторил свою ошибку, почти стал палачом невиновного. Эти мысли приходили к нему по ночам, когда тиканье часов становилось особенно громким, и он лежал в темноте, глядя в потолок, и перебирал в памяти каждое слово, каждый жест, каждое сомнение, которое могло бы привести его к правде раньше.

Максим был арестован в тот же день, когда всё раскрылось. Воронин помнил, как его уводили — без криков, без слёз, с тем же каменным лицом, которое он носил одиннадцать лет. Он не сопротивлялся, не просил о пощаде, не пытался объяснить свои поступки. Он только посмотрел на Воронина в последний момент — и в этом взгляде было что-то, что Воронин не мог забыть. Не гнев, не ненависть, а понимание. Как будто Максим знал, что это — не конец, что его борьба не закончена, что есть что-то большее, что он не успел сделать. Или, может быть, это было просто прощание — прощание с человеком, который понял его, даже если не оправдал.

Условия содержания Максима были суровыми, но не жестокими. Его держали в одиночной камере, в старом здании на Выборгской стороне, где стены были покрыты плесенью, а пол был каменным, холодным, как сама справедливость. Ему разрешали получать письма, но он не писал никому — ни жене, ни детям, никому. Он ждал суда, как ждал своего часа одиннадцать лет — терпеливо, безмолвно, с той же стальной выдержкой. Воронин знал, что Максим не раскаивается. Он не жалел о том, что сделал, — только о том, что не успел сделать больше.

И это знание было тяжёлым, как гранит, как тот самый камень, который Воронин всё ещё не мог понять.

Карпов уехал из Петербурга через неделю после ареста Максима. Говорили, что он купил небольшой дом в Москве, но Воронин не проверял. Ему не было дела до судьбы человека, который создал эту ложь, который разрушил жизни стольких людей. Иногда он думал о том, как Карпов, сидя в своём кабинете, подписывал бумаги, которые привели к смерти Савельева, — и чувствовал не гнев, а пустоту. Карпов был не злодеем, а трусом. И трусость иногда страшнее злобы.

Анна Степановна сняла небольшую квартиру на Васильевском острове, в доме, где пахло старым деревом и мокрой штукатуркой. Она жила одна, с кошкой и книгами, и, по слухам, писала мемуары. Воронин несколько раз встречал её на улице — она изменилась, стала спокойнее, но в её глазах всё ещё была та боль, которую нельзя было скрыть. Она никогда не упоминала Карпова, никогда не говорила о прошлом. Она просто жила, как живут люди, которые пережили бурю и теперь учатся дышать заново. И когда Воронин видел её, он думал о том, что правда иногда не освобождает — она просто даёт возможность начать сначала.

Николай поступил в университет — он изучал право, как будто хотел понять, как можно исправить то, что сломал его отец. Он взял фамилию матери — теперь он был Николаем Савельевым, как будто хотел стереть из своей жизни всё, что было связано с отцом, как будто хотел стать другим человеком, новым, чистым, без этой тяжёлой ноши. Воронин видел его однажды, в библиотеке, где тот сидел над книгами с таким упорством, которое бывает только у людей, пытающихся искупить чью-то вину. Он не подошёл к нему, не заговорил. Он просто смотрел и думал о том, что молодость — это время, когда можно начать заново, когда можно стать тем, кем хочешь быть. И он надеялся, что Николай сможет это сделать.

Акулина устроилась горничной в доме на Мойке, у старой графини, которая была доброй, но требовательной хозяйкой. Она часто встречала Воронина на улице и всегда кланялась, улыбаясь той светлой, тёплой улыбкой, которая была её отличительной чертой. В её глазах не было страха — только благодарность. И когда Воронин видел её, он думал о том, что иногда правда может быть не только горькой, но и доброй.

Но город не изменился. Петербург оставался таким же холодным, сырым, безразличным, как всегда. Он не замечал тех, кто уходил, и не радовался тем, кто оставался. Он просто жил своей жизнью — жизнью, в которой были новые тайны, новые преступления, новые тени. И Воронин знал, что он часть этой жизни, что он никогда не сможет уйти из неё, потому что город держит его, как держит всех, кто однажды решил искать правду.

Он остановился у моста, того самого, где всё началось, и посмотрел на Неву. Лёд уже тронулся, но не полностью — он лежал на поверхности воды серыми, грязными льдинами, которые медленно плыли к заливу, унося с собой всё, что было. Вода была тёмной, почти чёрной, и в её течении было что-то успокаивающее, как будто она напоминала ему о том, что время идёт, что оно не останавливается, что жизнь продолжается, что даже самые тёмные тайны однажды всплываю на поверхность.

Он уже хотел повернуть обратно, когда услышал шаги — быстрые, нервные, как у человека, который спешит, но не знает, куда, как у человека, который ищет что-то, но не знает, что именно. Они приближались со стороны Литейного, и Воронин обернулся, готовясь увидеть знакомое лицо, но вместо этого увидел женщину — молодую, лет тридцати, в тёмном пальто с меховым воротником, с бледным лицом и глазами, которые смотрели так, как будто они видели слишком много за последние дни. Она была красива той особенной, петербургской красотой, которая бывает у женщин, которые много страдали, но не сломались, — тонкие черты лица, высокие скулы, бледная кожа, которая казалась почти прозрачной на свету. Её волосы были тёмными, почти чёрными, и они выбивались из-под шляпки, которую она носила с той небрежной элегантностью, которая бывает только у тех, кто привык к холоду и сырости.

— Господин Воронин? — спросила она, и голос её был хриплым, как у человека, который не спал несколько ночей, как у человека, который плакал, но уже перестал, потому что слёзы не помогают. — Вы — Илья Андреевич Воронин?

Он кивнул, чувствуя, как внутри него разрастается то самое холодное предчувствие, которое он так хорошо знал, — тот ледяной ком в груди, который появляется только тогда, когда ты понимаешь, что сейчас начнётся что-то новое, что ты снова входишь в туман, из которого нет выхода. Это был тот самый звук, который он слышал в тишине своей комнаты, в скрипе половиц, в дыхании города — звук новой тайны, которая уже стояла на пороге.

— Да, — сказал он, и голос его был ровным, но настороженным, как у человека, который знает, что каждое слово может стать уликой. — Я — Илья Андреевич. Чем могу помочь?

Женщина замолчала, как будто собиралась с мыслями, как будто боялась произнести то, что привело её сюда. Её руки дрожали, и она сжимала их, чтобы успокоиться, но это не помогало — дрожь передавалась всему телу, и Воронин видел, как её плечи вздрагивают от холода или от страха.

— Меня зовут Екатерина Сергеевна Климова, — сказала она, и голос её дрогнул, как струна, которая вот-вот лопнет. — Мой муж — Владимир Петрович Климов. Он инженер. Он работает на строительстве нового моста через Неву. Он исчез три дня назад. Никто не знает, где он. Полиция не помогает. Они говорят, что он просто ушёл, что он вернётся, но я знаю, что это не так. Он не вернётся, потому что он не мог уйти просто так.

Воронин смотрел на неё, и в его груди разрастался тот холод, который он так хорошо знал. Он знал этот взгляд, этот страх, эту надежду — он видел его в глазах Анны Степановны, в глазах Акулины, в глазах всех, кто искал правду, но не знал, где её найти. Он знал, что сейчас он снова войдёт в этот мир — мир, где правда скрыта за слоями лжи, где каждый шаг может стать последним, где тени всегда ждут за спиной.

— Расскажите мне всё, — сказал он, и его голос был тихим, но твёрдым. — С самого начала.

Они расположились в небольшой чайной на Литейном, где пахло сухарями и мокрыми пальто, где окна были запотевшими от дыхания посетителей, а на стенах висели старые, выцветшие фотографии города, который уже не существовал. За окном шёл дождь со снегом, и капли стекали по стеклу, искажая очертания города, делая его похожим на акварельный рисунок, который кто-то забыл закончить. Екатерина Сергеевна сидела напротив Воронина и пила чай, но её руки всё ещё дрожали, и она не могла смотреть ему в глаза — она смотрела в чашку, в свои руки, в окно, куда угодно, только не на него.

— Он ушёл в среду утром, — сказала она, и голос её был тихим, как у человека, который боится, что его услышат, как у человека, который рассказывает тайну, которую не должна знать ни одна живая душа. — Как обычно. Он всегда уходил рано, потому что работа начиналась в семь. Я не придавала этому значения. Но вечером он не вернулся. Я ждала до ночи, но его не было. Я позвонила на стройку, но мне сказали, что он не появлялся там вообще.

— А где он был, по их словам, — спросил Воронин, записывая что-то в свой блокнот — дату, время, имена, всё, что могло стать уликой. Его пальцы двигались быстро, привычно, как у человека, который делал это сотни раз.

— Они не знают. Они сказали, что он не пришёл на работу, и всё. Я пошла в участок, но там только отмахнулись. Сказали, что он, наверное, запил или уехал к любовнице. Но это не так. Владимир никогда не пил. И он любил меня. Он не мог уйти просто так.

— У вас есть его вещи? — спросил Воронин. — Что-то, что он оставил дома? Что-то, что могло бы объяснить, куда он пошёл?

Она кивнула и полезла в сумку, которую держала на коленях. Её руки всё ещё дрожали, но она вытащила небольшой конверт — старый, потёртый, с пятнами от воды, — и протянула его Воронину.

— Я нашла это в его кабинете, — сказала она. — Он всегда запирает его, но в тот день он забыл. Или не захотел запирать. Я не знаю. Я просто вошла и увидела это на столе, как будто он хотел, чтобы я нашла это.

Воронин взял конверт, открыл его и вытащил лист бумаги — дешёвый, серый, с неровными краями, как будто его вырвали из блокнота в спешке. На нём было написано всего несколько слов, но эти слова заставили его сердце биться быстрее, заставили тот самый холод внутри него разрастись до размеров, которые он не мог контролировать:

«Они знают о камне».

Воронин смотрел на записку, и в его голове крутились мысли, как листья на ветру, как те самые хлопья снега, которые падали за окном и таяли, не долетая до земли. Камень. Что это значило? Камень в фундаменте? Камень как символ? Или что-то более конкретное — что-то, что было связано с тем самым местом, где строился мост, с тем самым местом, где когда-то была земля Савельевых?

— Что это значит? — спросил он, поднимая глаза на Екатерину Сергеевну, и в его голосе была та твёрдость, которая появлялась только тогда, когда он чувствовал, что приближается к правде. — Вы знаете, о каком камне идёт речь? Он говорил вам что-то об этом?

Она покачала головой, и в её глазах была та же боль, что и у Анны Степановны, только моложе, свежее, как рана, которая ещё не начала заживать, которая кровоточит при каждом прикосновении.

— Я не знаю, — сказала она, и голос её дрогнул. — Он никогда не говорил о камне. Но он говорил о странных вещах в последние недели. Он говорил, что на стройке происходит что-то странное. Что некоторые рабочие боятся. Что они видели тени по ночам. Я не придавала этому значения, потому что он был уставшим, он много работал. Но теперь я думаю, что он знал что-то. Что-то, что он не хотел говорить мне.

Воронин спрятал записку в карман, рядом с часами, и посмотрел на женщину. Её глаза были полны слёз, но она не плакала — она держалась, как держатся люди, которые не знают, что делать, но не хотят сдаваться, которые верят, что где-то есть ответ, и они найдут его, даже если это будет стоить им всего.

— Я помогу вам, — сказал он, и его голос был твёрдым, как сталь, которую закалили в огне. — Я найду его. Но вы должны сказать мне всё, что знаете. Всё, что он говорил, всё, что он делал, всё, что он боялся. Каждая деталь может быть важна.

Он вышел из чайной и пошёл по Литейному, чувствуя, как холодный ветер бьёт в лицо, как сырость проникает под воротник, как город дышит ему в затылок. В кармане его лежала записка, и слова «Они знают о камне» звучали в его голове, как эхо, как тот самый шёпот, который он слышал в тумане в тот первый день, когда всё началось.

Он думал о Екатерине Сергеевне, о её муже, о строительстве моста, о том, что это могло быть связано с тем самым городом, который никогда не раскрывал своих секретов до конца, который всегда оставлял что-то недосказанное, что-то, что ждало своего часа. И он думал о том, что этот камень мог быть той самой правдой, которую он искал — правдой, которая была скрыта под слоями времени, лжи и молчания, правдой, которая могла изменить всё.

Он остановился у моста и посмотрел на Неву. Лёд всё ещё плыл по течению, и в его движении было что-то символичное — как будто время уносило с собой всё, что было, и ничего не оставляло взамен, как будто оно было той самой рекой, которая течёт сквозь века, не останавливаясь, не оглядываясь. Но Воронин знал: правда не уходит. Она ждёт. И она всегда возвращается, чтобы напомнить о себе.

Он достал часы из кармана и посмотрел на них. Стрелки двигались ровно, как и положено, но ему показалось, что на мгновение они замерли. Или, может быть, это ему просто показалось. Может быть, это был просто свет, упавший на стекло, или его собственное отражение, которое на мгновение сбilo его с толку. Но он не мог отделаться от ощущения, что

что-то изменилось, что время снова замерло на мгновение, чтобы напомнить ему о том, что оно не вечно.

— Камень, — прошептал он, обращаясь к воде, к городу, к самому себе. — Что ты такое? Что ты скрываешь?

И в этот момент, как будто в ответ на его вопрос, в тумане, который стучался над Невой, он увидел тень. Высокую, тёмную, без лица. Она стояла на том берегу и смотрела на него, как смотрела тогда, в первый день, когда он стоял на этом же месте и держал в руках часы, которые только что нашёл городской. Тень, которая ждала. Тень, которая знала о камне. Тень, которая была частью этой новой истории, которая уже начиналась.

Воронин спрятал часы в карман и пошёл дальше, чувствуя, как внутри него разрастается тот самый холод, который он так хорошо знал. Это было начало. Начало новой истории, нового поиска, новой правды. И он знал, что не остановится, пока не найдёт её. Пока не узнает, что такое этот камень. Пока не поймёт, почему он должен был быть скрыт. Пока не увидит лицо той тени, которая следила за ним всё это время.

Глава 2

Дом Екатерины Сергеевны стоял на Малой Посадской, в той части города, где дома ещё помнили старый Петербург — с лепниной, потемневшей от копоти, с высокими окнами, за которыми когда-то горели свечи, с подъездами, где пахло сыростью и временем. Это был дом, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-то новому, но который всё равно хранил свои секреты, как старый сейф, который никто не мог открыть, как те самые часы, которые лежали в кармане Воронина и тикали, отмеряя время, которое больше не боялось идти. Фасад был покрыт той особенной петербургской грязью, которая въедается в камень и не смывается даже дождями, а на карнизах, там, где когда-то были гипсовые розетки, теперь зияли чёрные дыры, как выбитые зубы. Воронин поднялся по лестнице, и каждая ступенька скрипела под его ногами, как будто дом разговаривал с ним, предупреждал о чём-то, чего он ещё не знал, как будто он был живым существом, которое дышало, болело и помнило.

Екатерина Сергеевна ждала его у двери, бледная, с тёмными кругами под глазами, в том же тёмном платье, что и вчера, с тем же выражением лица, которое было смесью надежды и отчаяния, как у человека, который уже не знает, на что надеяться, но продолжает ждать. Она не спала — это было видно по её лицу, по её рукам, которые дрожали, когда она открывала дверь, по её глазам, которые были красными от слёз, но сухими, как будто она выплакала всё, что могла, и теперь просто ждала. Она провела его в кабинет мужа, который находился в конце коридора, в самой тихой части квартиры, туда, где окна выходили во внутренний двор, где всегда было темно и сыро, даже в самые солнечные дни, как будто свет боялся проникать в это место, где рождались тайны.

Кабинет был небольшим, но аккуратным — высокие шкафы с книгами, которые стояли в строгом порядке, как солдаты на параде, старый письменный стол, покрытый зелёным сукном, на котором стояла лампа с керосиновым резервуаром, отбрасывающая мягкий, жёлтый свет на бумаги. На стенах висели карты — Петербурга, его окрестностей, Невы с её притоками, некоторые из них были старыми, с обозначениями, которые уже не использовались, с названиями улиц, которых больше не существовало. В углу стоял чертёжный стол, на котором были разложены бумаги, линейки, циркули и карандаши, аккуратно заточенные, как будто их хозяин только что вышел и должен был вернуться с минуты на минуту. И в этом был какой-то особый, мучительный покой — как будто время здесь остановилось, как будто комната ждала своего хозяина, который уже не вернётся.

— Он всегда был здесь, — сказала Екатерина Сергеевна, стоя у двери, как будто не решаясь войти, как будто боялась нарушить ту тишину, которая стояла в этой комнате. — Он мог сидеть здесь часами, до самой ночи, пока я не приносила ему чай. Он говорил, что его работа — это не просто строительство, это искусство. Он строил не мосты — он строил время.

Воронин повернулся к ней, и в его глазах мелькнула та настороженность, которая появлялась у него, когда он чувствовал, что кто-то говорит то, что не совсем понимает, но что может быть ключом к правде.

— Время? — переспросил он, и голос его был тихим, но внимательным. — Почему он так говорил? Что он имел в виду?

Она пожала плечами, и в этом жесте была та же усталость, что и у Анны Степановны, только моложе, свежее, как рана, которая ещё не начала заживать, которая всё ещё кровоточит при каждом прикосновении.

— Я не знаю, — сказала она. — Я думала, что это просто слова. Он всегда был немного мечтательным, немного странным. Он говорил о том, что мосты — это не просто конструкции, это связи между мирами. Что каждый камень, который они кладут, имеет значение. Но теперь

я думаю, что он имел в виду что-то конкретное. Что-то, что он не хотел говорить мне. Что-то, что он боялся сказать.

Воронин подошёл к чертёжному столу и начал разглядывать бумаги. Это были чертежи моста — сложные, детальные, с множеством линий, цифр и пометок, которые были понятны только тем, кто умел читать их, кто понимал язык инженеров, язык точности и расчёта. Он провёл пальцем по одной из линий, чувствуя, как карандаш оставил след на бумаге, как будто инженер держал его в руке совсем недавно, как будто он только что встал из-за стола и вышел, чтобы вернуться через минуту. И вдруг он увидел это — среди пометок, сделанных аккуратным, мелким почерком, была одна, которая выделялась среди остальных, одна, которая была написана не по-русски, а по-французски, и в ней была цифра, которая заставила его сердце биться быстрее: *«3:17»*.

Он замер, чувствуя, как холод проникает в его грудь, как тот самый холод, который он знал так хорошо, который появлялся только тогда, когда он приближался к правде, когда он чувствовал, что вот-вот найдёт то, что искал. Это не могло быть совпадением. Тринадцать — те же цифры, что и на часах, которые лежали в его кармане, те же цифры, что и на записке, которую он нашёл у Громова, те же цифры, что преследовали его всю ту историю, что были его проклятием и его спасением.

— Что это? — спросила Екатерина Сергеевна, подходя ближе, и в её голосе был страх, тот самый страх, который появляется, когда понимаешь, что твой мир рушится. — Что значит эта цифра? Почему она здесь?

Воронин покачал головой, не отрывая глаз от чертежа, как будто боялся, что если он отведёт взгляд, цифра исчезнет, как исчезают все тайны, когда на них смотрят слишком пристально.

— Я не знаю, — сказал он, и голос его был тихим, как у человека, который боится, что его услышат, как у человека, который рассказывает тайну, которую не должна знать ни одна живая душа. — Но я знаю, что это не случайность. Это связано с тем, что случилось раньше. С той историей, которая, казалось, уже закончилась. С теми часами, которые я нашёл у воды.

Он достал из кармана часы и положил их рядом с чертежом. Они лежали на бумаге, как два фрагмента одной головоломки, которые наконец нашли друг друга, как две части одного целого, которое было разбито много лет назад. Стрелки по-прежнему двигались, отмеряя время, которое больше не боялось идти, но когда Воронин посмотрел на них, ему показалось, что на мгновение они замерли. Или, может быть, это ему просто показалось. Может быть, это был просто свет, упавший на стекло, или его собственное отражение, которое на мгновение сбilo его с толку.

— Что это за часы? — спросила Екатерина Сергеевна, и её голос дрогнул, как струна, которая вот-вот лопнет. — Они похожи на те, что он носил. Те самые, которые он никогда не снимал.

Воронин повернулся к ней, и в его глазах была та сталь, которая появлялась только тогда, когда он чувствовал, что приближается к разгадке, когда он знал, что правда уже рядом.

— Он носил такие же часы? — спросил он, и его голос стал твёрже, как сталь, которую закалили в огне. — Вы уверены? Вы видели их?

Она кивнула, и её руки снова начали дрожать, как будто она держала в них что-то тяжёлое, что не могла удерживать.

— Да, — сказала она, и голос её стал тише, почти шёпотом. — У него были такие же. Старые, серебряные, с узором на крышке. Он говорил, что это память о его отце, что это единственное, что осталось от него. Он всегда носил их с собой. Он никогда не расставался с ними.

Воронин смотрел на неё, и в его голове крутились мысли, как листья на ветру, как те самые хлопья снега, которые падали за окном и таяли, не долетая до земли, исчезая, как исчезают все тайны, когда на них смотрят слишком пристально. Он думал о Максиме, о Карпове, о

Савельеве, о той цепи событий, которая привела его к этому кабинету, к этому чертежу, к этой женщине, к этой цифре, которая преследовала его. И он думал о том, как всё это связано, как прошлое продолжает влиять на настоящее, как тени тех, кто ушёл, продолжают преследовать тех, кто остался, как время не застывает, а течёт, унося с собой всё, что было.

— Мне нужно показать это Петру, — сказал он, забирая часы и пряча их в карман, рядом с запиской, рядом с той тайной, которая уже начала раскрываться. — Он может найти что-то в архивах. Он знает, где искать.

Екатерина Сергеевна с неохотой разрешила забрать вещи мужа.

Пётр появился в комнате, которую он снимал на набережной, где пахло бумагой, чернилами и той особенной сыростью, которая была неотъемлемой частью жизни в этом городе. Комната была маленькой, почти пустой — только стол, кровать и стул, заваленный бумагами, с чернильницей и пером, которое лежало на полу, как будто его выронили в спешке. На стенах висели вырезки из газет, старые фотографии и карты города, которые Пётр собирал годами, как коллекционер собирает редкие марки. Он был в своей обычной одежде — чёрное пальто, потёртое на локтях, с воротником, поднятым до самых ушей, и держал в руках кипу бумаг, которые он принёс из редакции «Петербургского вестника», где работал уже три года, с того самого момента, как начал помогать Воронину.

История Петра началась не в Петербурге. Он родился в маленьком городке под Вяткой, в семье сельского учителя, который мечтал, чтобы его сын стал образованным человеком. Но Пётр с детства тянулся к другому — к историям, к тайнам, к тому, что было скрыто от глаз. Он читал всё, что попадалось под руку, и мечтал о большом городе, где можно было найти ответы на все вопросы. В семнадцать лет он сбежал в Петербург, как сбегает в столицу все, кто ищет лучшей жизни, и начал работать в редакции маленькой газеты, сначала курьером, потом корректором, потом — репортёром. Он был молод, горяч, и его острый взгляд замечал то, что другие пропускали. Именно это и привлекло Воронина, когда они встретились в том самом доме на Литейной, где всё началось. С тех пор они работали вместе, и Пётр стал не просто помощником, а другом — тем, кто мог поддержать в трудную минуту, кто не боялся говорить правду, даже если она была горькой.

— Я нашёл это, — сказал Пётр, кладя бумаги на стол, и в его голосе была та уверенность, которая появлялась только тогда, когда он знал, что нашёл что-то важное. — В архивах. Там, где никто не смотрит. Там, где бумаги лежат годами, покрываясь пылью.

Воронин поднял глаза, и в его взгляде была та настороженность, которая появлялась у него, когда он чувствовал, что приближается к правде, когда он знал, что вот-вот найдёт то, что искал.

— Что ты нашёл?

Пётр развернул старую карту Петербурга, пожелтевшую от времени, с потёртыми краями и выцветшими чернилами, которые уже почти нельзя было прочитать. На ней были обозначены участки земли, которые когда-то принадлежали разным семьям, с их границами и названиями, которые уже не использовались, и среди них — один участок, который был отмечен особым образом, красным карандашом, как будто кто-то хотел, чтобы его заметили.

— Здесь, — сказал Пётр, проводя пальцем по карте, и его палец дрожал от волнения. — Там, где сейчас строится мост, когда-то была земля Савельевых. Она была продана городской управе пять лет назад, после того как Савельев был осуждён. Но это не всё.

Он перевернул карту и показал на обратную сторону, где была приклеена старая заметка, вырезанная из газеты, с пожелтевшими краями и выцветшим текстом, который можно было прочитать только с трудом, как будто время хотело стереть эту историю из памяти города.

— Здесь написано, что на этой земле когда-то стоял старый дом, который был снесён ещё в начале века. И что в подвале этого дома были найдены какие-то камни с надписями. Никто не знал, что это за надписи, и их просто засыпали землёй, как будто их никогда не существовало.

Но некоторые говорили, что это были не просто камни — это были старые, забытые символы. Символы, которые могли что-то значить.

Воронин смотрел на записку, и его сердце билось быстрее, как будто оно пыталось догнать время, которое уходило. Камни. Символы. Это было то же самое, что и в записке, которую он нашёл у Екатерины Сергеевны. «Они знают о камне». Это было то же самое, что и в чертеже, который он видел в кабинете инженера. «3:17». Это было то же самое, что и в часах, которые лежали в его кармане. Всё это было связано. Всё это было частью одной большой тайны, которая ждала своего часа.

— Это связано, — сказал он, и голос его был тихим, но твёрдым, как сталь, которую закалили в огне. — Всё это связано. Часы, чертёж, записка, камень. Это всё — части одной головоломки. И мы должны собрать её.

Пётр поднял на него глаза, и в его взгляде был тот же огонь, который Воронин видел в нём в начале их знакомства, тот огонь, который не давал ему остановиться, который заставлял его идти вперёд, даже когда казалось, что всё кончено.

— Что будем делать? — спросил он, и его голос был полон решимости.

Воронин встал и подошёл к окну. За ним был Петербург — серый, мокрый, безжалостный, но живой, дышащий, пульсирующий, как сердце, которое никогда не останавливается. Он смотрел на Неву, которая текла внизу, и думал о том, что этот город никогда не перестаёт удивлять его, что он всегда находит новые тайны, чтобы скрыть старые, что он всегда оставляет что-то недосказанное, что-то, что ждёт своего часа.

— Мы найдём этот камень, — сказал он, и голос его был твёрдым, как гранит, как те самые парапеты, которые стояли на набережной и видели всё. — Мы найдём его и узнаем, что он скрывает. Мы узнаем, почему он был скрыт. И мы узнаем, кто его скрыл.

Он повернулся к Петру, и в его глазах была та сталь, которая появлялась только тогда, когда он чувствовал, что приближается к разгадке, когда он знал, что правда уже рядом, и что он должен сделать последний шаг, чтобы найти её.

— Завтра мы идём на стройку, — сказал он. — Мы должны увидеть это место своими глазами. Мы должны понять, что там происходит. Мы должны найти тех, кто знает о камне.

На следующее утро они вышли на улицу, и холодный ветер ударил им в лица, как удар, который нельзя предвидеть. Снег уже перестал, но небо было низким и серым, как всегда, как будто оно никогда не знало другого цвета. Воронин шёл по набережной, чувствуя, как часы тикают в его кармане, как будто они считали шаги, которые он делал, как будто они отмеряли время, которое уходило, которое нельзя было вернуть.

И в этот момент, как будто в ответ на его мысли, он увидел её — ту самую тень, которая стояла на том берегу. Она была там же, где и вчера, высокая, тёмная, без лица, без формы, без очертаний, просто сгусток тьмы, который смотрел на него сквозь туман. Она стояла неподвижно, как статуя, как памятник, как та самая правда, которую он искал, и смотрела на него с того берега, с того места, где когда-то стоял дом Савельевых, где когда-то были найдены те камни, о которых говорил Пётр.

Воронин остановился и посмотрел на неё. Ветер дул с Невы, и туман снова начинал сгущаться, делая фигуру почти невидимой, почти исчезающей, как будто она была просто сном, который он видел, который таял, как таял снег, не долетая до земли.

— Кто ты? — прошептал он, и его голос был тихим, как дыхание, как тот самый шёпот, который он слышал в тумане в тот первый день, когда всё началось. — Что ты хочешь? Что ты знаешь?

Но тень не ответила. Она просто стояла и смотрела, как смотрела всегда, как смотрела тогда, когда всё начиналось, как смотрела на него сквозь туман, сквозь время, сквозь ложь. И Воронин знал, что она не уйдёт, пока он не узнает правду, пока он не найдёт тот камень, о котором она знала, пока он не поймёт, что скрывается за этой тайной.

Он пошёл дальше, оставляя за спиной мост, Неву и тень, которая ждала его, которая была частью этой новой истории, которая уже начиналась. Впереди была новая тайна, новый камень, новая правда. И он знал, что найдёт её. Он знал, что не остановится, пока не поймёт, что такое этот камень, почему он должен был быть скрыт, и кто те, кто знает о нём.

В кармане его тикали часы, отмеряя время, которое больше не боялось идти. И Воронин знал, что это — не конец. Это — начало. Начало новой главы в его жизни, которая, как и этот город, никогда не заканчивается.

Он шёл по набережной, и его шаги были твёрдыми, как у человека, который знает, что выбора нет, что он должен идти вперёд, даже если каждый шаг даётся с трудом. За его спиной оставалась Малой Посадская, оставался кабинет инженера, оставалась Екатерина Сергеевна с её страхом и надеждой. Впереди был туман, в котором скрывалась новая тайна. И Воронин знал, что он войдёт в неё, как входил всегда — без страха, без сомнений, с одной только верой в то, что правда существует, и что её можно найти.

Глава 3

Васильевский остров встретил Воронина той особенной тишиной, которая бывает только в этой части Петербурга — глухой, сырой, как будто здесь время текло иначе, медленнее, чем в центре, как будто оно набирало в себя воду и становилось тягучим, как невская тина. Дома здесь были ниже, улицы — уже, и даже воздух казался более плотным, пропитанным запахом Невы и старого дерева, запахом тех лет, когда этот остров был ещё окраиной, где селились бедные чиновники, студенты и те, кто искал тишины и покоя. Это была та часть города, где люди жили тихо, незаметно, как будто они сами стали частью его истории, его пыли, его забытых тайн, и не хотели напоминать о себе.

Анна Степановна снимала квартиру в небольшом доме на Тучковой набережной, в том месте, где окна выходили на воду, где можно было часами смотреть на течение реки и думать о том, что было и что могло бы быть, о тех поворотах судьбы, которые изменили всё. Дом был старым, с облупившейся краской на фасаде и с лестницей, которая помнила шаги многих поколений, с перилами, отполированными до блеска руками тех, кто поднимался и спускался здесь в надежде найти что-то или кого-то. Воронин поднялся на третий этаж, и каждая ступенька скрипела под его ногами, как будто дом помнил все шаги, которые были здесь сделаны за последние сто лет, как будто он хранил их в своей памяти, как старик хранит старые письма. Он постучал в дверь, обитую старым, потёртым сукном, и услышал за ней тихие, медленные шаги — шаги человека, который уже не спешит, который научился ждать и который больше не боится тишины.

Дверь открылась, и он увидел Анну Степановну. Она изменилась за три месяца — стала спокойнее, мягче, как будто тяжесть, которую она носила в себе все эти годы, наконец начала отпускать, как будто она сбросила с плеч груз, который давил на неё так долго. На ней было простое тёмное платье, без украшений, с высоким воротником, который подчёркивал тонкую шею, а волосы были убраны в пучок, открывая бледное, но уже не такое измождённое лицо. В глазах её больше не было той постоянной, ноющей боли, которую он видел в доме на Литейной, — теперь в них была грусть, но грусть спокойная, принятая, как принимают неизбежное, как принимают то, что уже не изменить. Она выглядела старше, чем была на самом деле, но в этой старости было что-то благородное, как будто время оставило на её лице не морщины, а следы мудрости, которую она обрела через страдания.

— Илья Андреевич, — сказала она, и голос её был мягким, как шёпот, как дыхание ветра над Невой. — Я знала, что вы придёте. Я ждала вас. Я чувствовала, что эта история ещё не закончена.

Она отступила в сторону, пропуская его в прихожую, где пахло сухими травами и старыми книгами, где на стенах висели выцветшие фотографии, на которых были изображены люди, которых уже нет в живых. Квартира была маленькой, но уютной — с высокими потолками, с окнами, выходящими на Неву, с мебелью, которая была старой, но ухоженной, как будто каждая вещь здесь имела свою историю, как будто каждая вещь была свидетелем чего-то важного. В гостиной стоял небольшой письменный стол, на котором лежали стопки бумаг, исписанных аккуратным, мелким почерком — её мемуары, как понял Воронин, её попытка оставить след, её исповедь перед теми, кто придёт после.

— Вы пишете книгу? — спросил он, садясь в кресло, которое стояло у окна, откуда открывался вид на серую, холодную воду. Кресло было глубоким, мягким, и Воронин почувствовал, как оно обволакивает его, словно пытаясь удержать.

Анна Степановна села напротив, сложив руки на коленях, и посмотрела на него с той особенной, спокойной улыбкой, которая появляется у людей, которые пережили слишком

много, чтобы удивляться чему-то новому, которые видели столько лжи, что правда перестала их пугать.

— Я пытаюсь, — сказала она, и голос её был тихим, но в нём слышалась та сталь, которую он помнил по их первой встрече. — Я хочу, чтобы правда осталась. Чтобы её не забыли. Чтобы те, кто придёт после нас, знали, что было на самом деле. Не ту ложь, которую рассказывали газеты, не те слухи, которые ходили по городу, а правду. Мою правду. Правду тех, кто пострадал.

Воронин кивнул, и в его груди разрасталось то самое холодное чувство, которое он так хорошо знал. Он чувствовал, что сейчас он услышит что-то важное, что-то, что приблизит его к правде, которую он искал, что-то, что свяжет прошлое с настоящим и откроет ему то, что было скрыто.

— Я ищу человека, — сказал он, и голос его был тихим, но настойчивым. — Инженера. Владимира Петровича Климова. Он пропал три дня назад. Он работал на строительстве нового моста через Неву. Я думаю, что это может быть связано с тем, что случилось раньше. С Максимом. С Карповым. С вами. С тем, что произошло на земле Савельевых.

Анна Степановна замолчала, и в её глазах мелькнула та тень, которую он уже видел в доме на Литейной — тень прошлого, которое не отпускало её даже теперь, которое стояло за её спиной и ждало, когда она обернётся. Она медленно встала, подошла к окну и посмотрела на Неву, которая текла внизу, серая и холодная, как всегда, как будто она не замечала ни её, ни его, ни их разговора.

— Карпов уехал, — сказала она, и голос её был тихим, как у человека, который говорит о том, что уже не имеет значения, о том, что осталось в прошлом. — Он продал дом на Литейной и уехал из Петербурга. Говорят, в Москву, но я не знаю точно. Я не знаю, где он сейчас, и не хочу знать. Но перед отъездом он пришёл ко мне. Это было странно, потому что мы не виделись с того дня, как всё случилось, с того дня, когда арестовали Максима. Он стоял на пороге этой квартиры, бледный, старый, сломленный, как будто он нёс на себе тяжесть всех своих грехов. И он сказал мне то, что я не могла забыть.

Она повернулась к Воронину, и в её глазах была та боль, которую он так хорошо знал, — боль, которая не уходит, даже когда кажется, что всё уже позади, которая остаётся в душе, как старая рана, которая ноет в сырую погоду.

— Он сказал: «Там, под камнем, спрятано то, что должно было остаться скрытым». Я спросила, что он имеет в виду, но он только покачал головой и ушёл. Я не видела его больше. Я не хотела его видеть.

Она замолчала, и в комнате стало тихо. Воронин смотрел на неё, на её руки, которые сжимали край платья, на её лицо, которое было обращено к окну, и думал о том, как много она пережила, как много она знала, но молчала.

— Расскажите мне, — сказал он, и голос его был мягким, как у человека, который не хочет причинять боль, но знает, что должен спросить. — Расскажите мне о себе. О Карпове. О том, как всё началось.

Анна Степановна долго молчала, глядя на воду. Потом она медленно повернулась и села в кресло напротив него, и в её глазах была та же пустота, что и раньше, но теперь она была наполнена чем-то другим — воспоминаниями, которые она носила в себе много лет.

— Я была молода, — начала она, и голос её стал тише, как будто она говорила не ему, а себе. — Мне было девятнадцать лет, когда я встретила его. Это было на балу у графини Шереметевой, в том самом доме, который потом сгорел. Он был старше меня на пятнадцать лет, но он был красив, уверен, и он умел говорить так, что я верила каждому его слову. Он говорил о будущем, о том, что построит империю, о том, что сделает меня счастливой. Я была наивна, и я поверила.

Она замолчала, и Воронин увидел, как её руки начали дрожать.

— Мы поженились через полгода. Мои родители были против, но я не слушала их. Я думала, что я знаю лучше. Я думала, что любовь — это всё, что нужно. Но я ошиблась. Я ошиблась в нём. Я ошиблась в себе.

Она подняла глаза на Воронина, и в них была та боль, которую она носила в себе все эти годы.

— Он изменился после свадьбы. Не сразу, но постепенно. Он стал холодным, расчётливым, как будто я была не женой, а частью его плана. Он говорил о деньгах, о власти, о том, как он добьётся своего. Я пыталась быть рядом с ним, но он отталкивал меня. Он говорил, что я слишком слаба, что я не понимаю его. А потом он начал строить свой бизнес, свою империю, и я поняла, что я — всего лишь часть этого плана. Я была ему нужна, чтобы выглядеть rispetабельно. Чтобы у него была семья, которую можно показывать на приёмах. Но внутри он был пустым.

— А Савельев? — спросил Воронин, и голос его был тихим. — Как он появился в вашей жизни?

Она замолчала, и её лицо стало ещё бледнее.

— Савельев был его партнёром, — сказала она, и её голос дрогнул. — Они работали вместе несколько лет. Я видела его на приёмах, я знала его жену. Он был порядочным человеком, честным, открытым. Он не был похож на Карпова. И, возможно, поэтому Карпов ненавидел его. Потому что он был тем, кем Карпов хотел быть, но не мог.

Она посмотрела на свои руки, которые лежали на коленях, и продолжала:

— Карпов подставил его. Он подделал документы, он использовал моё имя, чтобы сделать это. Он сказал, что это необходимо для нашей семьи, для нашего будущего. Я не знала, что он сделал, пока не стало слишком поздно. А когда я узнала, я была в ужасе. Я хотела остановить его, но он сказал, что если я скажу хоть слово, он уничтожит меня. Он сказал, что я никому не поверю, что я буду выглядеть как сумасшедшая, как жена, которая предаёт своего мужа. И я замолчала. Я замолчала на все эти годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.